

Петрунина Л.Я.

ЧТО ЕСТЬ МУЗЕЙ СЕГОДНЯ? К РАЗРАБОТКЕ НОВОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ

Петрунина, Любовь Яковлевна—кандидат философских наук, куратор проекта ИКОМ России «Узнай своего посетителя!», независимый музейный консультант, Россия, Москва, Liubovgtg@yandex.ru.

В статье представлен анализ материалов двух изданий Международного комитета по музеологии ИКОМ по результатам двух последних симпозиумов, посвященных теме деколонизации музеологии: «Decolonising Museology: Museums, Community Action and Decolonisation» и «The Decolonisation of Museology: Museums, Mixing, and Myths of Origin». Обзор материала тематически укладывается в четыре блока. Первый включает описание примеров решений зарубежными коллегами проблем, возникших в ответ на требования, которые звучат со стороны разных общественных групп об изменении принципов работы музея с колониальным наследием. Второй развивает новые подходы к проблеме реституции. Третий раскрывает приемы переосмысления культурного наследия, поступившего в связи с колониальными завоеваниями в европейские музеи. Четвертый блок связан с постколониальной ситуацией в культуре бывших колоний. Анализ материалов двух сборников позволяет отследить актуальные тренды, трансформирующие параметры деятельности музеев в современном мире, которые в совокупности меняют весь музейный ландшафт в сторону его деконструкции. В статье предлагается концепция деятельности по поводу ценностей культуры как основы формирования музея и его трансформации в сторону социального института сегодня. На основе анализа происходящих изменений предлагается уточнение в формулировке нового определения понятия музей.

Ключевые слова: деконструкция, ИКОФОМ, деколонизация музеологии, музей без коллекций.

WHAT IS MUSEUM TODAY? TOWARDS DEVELOPING NEW DEFINITION

Petrulina, Liubov Yakovlevna—Candidate of Science in Philosophy, curator of the ICOM Russia project “Recognize your visitors!”, independent museum consultant, Russian Federation, Moscow, Liubovgtg@yandex.ru.

The article presents an analysis concerning the materials of the two editions of the International Committee for Museology of ICOM (ICOFOM), based on the last two symposia devoted to the decolonization of museology: “Decolonising Museology: Museums, Community Action and Decolonisation” and “The Decolonisation of Museology: Museums, Mixing, and Myths of Origin”. The review of the material thematically is arranged in four blocks. The first one includes a description of solutions by foreign colleagues to museum problems that have arisen in response to demands from various social groups to change the principles of a museum’s activity with a colonial heritage. The second block develops new approaches to the problem of restitution. The third one reveals the methods of rethinking the heritage that came to European museums in period of the colonial conquests. The fourth block depicts the postcolonial situation in the culture of the former colonies. The analysis of the two issues makes it possible to present the current trends that transform the parameters of the museum activities in the modern world, which together change the museum landscape towards its deconstruction. The article proposes

a concept of activities regarding cultural values as the basis for the formation of a museum and its transformation towards a social institution today. Based on the analysis of the ongoing changes, it is proposed to refine the formulation of the new definition of a museum notion.

Key words: deconstruction, ICOFOM, decolonization of museology, museum without collections.

Мы живем в переходное время, которое вызвано не только пандемией, но и глубокими социальными, технологическими и климатическими изменениями. В новых условиях особое значение начинает играть социальная роль музея, который уже окончательно перестает быть институцией, исключительно сохраняющей и популяризирующей культурное и природное наследие, — его функции гораздо шире, также как и влияние на общество и благополучие людей¹.
ICOM MPR/ИКОМ России

Международный комитет по музеологии ИКОМ (ИКОФОМ) для своих двух последних симпозиумов, которые должны были пройти в 2020 г. в Канаде и Бразилии, но проходили on-line, предложил в качестве темы для обсуждения деколонизацию музеологии. При этом оба они проходили под лозунгом поиска констант и переменных для нового определения музея². Казалось бы, где деколонизация и где работа над обновлением научного понятия? В этом разрыве — особенность восприятия терминологии, имеющей разную коннотацию в зависимости от национальных научных школ и историко-культурных особенностей общества, складывающихся в разных странах (опустим барьеры языковые, достаточно серьезные при более подробном рассмотрении).

Для российских специалистов этот поворот тематики ИКОФОМ оказался неожиданным. Неприятие российскими музеологами термина деколонизация для описания проблем сегодняшнего состояния музейной науки вызвано общепринятой у нас точкой зрения, что процесс деколонизации, т.е. отказ метрополий от своих колониальных владений, имеет исключительно политическую окраску и закончился еще в 1970-е гг.³

Мне было интересно подробнее узнать, что же подразумевают зарубежные коллеги под этим термином по отношению к музеологии, и я взяла на себя труд прочесть два объемных тома материалов, собранных участниками симпозиумов. В общих чертах стало понятно, что зарубежными специалистами термин деколонизация воспринимается как возможность применить принципиально другой подход к анализу современной музейной практики, нацеленный на демократизацию музеев. При этом акцент делается на практику в более широком, культурологическом плане, без оглядки на рамки традиционного музейного поля. Этот термин стал платформой, помогающей осмыслить новый интегративный характер ансамбля отношений вокруг музея, в ответ на настойчиво звучащие требования обновления со стороны новых социальных групп «западного» общества, включившихся в деятельность музеев в последнее десятилетие. Активность этих групп в такой степени изменяет музейный ландшафт, что можно говорить о деконструкции музея как института культурного наследия. Именно на этом термине мне хотелось бы сделать

¹ ICOM MPR/ИКОМ России. Анонс 45 конференции, 2021. <https://icom-russia.com> (ссылка последний раз проверялась 12.10.2021).

² Bergeron Y., Rivet M. Introduction // The Decolonisation of Museology: Museums, Mixing, and Myths of Origin. Paris, 2021. P. 10–18.

³ Макаренко В.П. Распад империй и проблема колониализма // Политическая концептология. 2012. № 2. С. 6–47.

акцент в противовес предложенному коллегами термину деколонизации. Отвлекаясь от политики, отметим, что философское наполнение термина деколонизация подразумевает удаление одного из компонентов оппозиции перед напором другого⁴. Едва ли можно предположить такой радикализм настроений среди руководителей ИКОФОМ. И уже по этому основанию стоит исключить использование термина деколонизация в обсуждении сегодняшней ситуации в науке о музее. Тогда как термин *деконструкция* применяется в современной философии и искусстве для обозначения преодоления стереотипов⁵. И ровно эта ситуация сегодня ощущается в музейном мире.

Стоит упомянуть при каких обстоятельствах тема деколонизации появилась в музеологии, чтобы оценить направление критики и ожидание перемен. Еще в 2016 г. Тереза Шайнер в статье, опубликованной в сборнике «Новые тенденции в музеологии» (*Nouvelles tendances de la muséologie*) под редакцией Франсуа Мересса, размышляя о разнообразии в музейном поле и значении для него музеологии, призвала к переосмыслению подходов, которые используют англо/франко говорящие авторы в ущерб тем, кто публикуется на других языках и повествует о других музейных формах. А в 2018 г. вышел очередной том серии исследований ИКОФОМ под названием «Политика и поэтика музеологии». Одна из ключевых статей в нем имела заголовок «Музеология в колониальном контексте. Призыв к деколонизации музейной теории». Ее авторы Бруно Брулон Соарес и Анна Лещенко представили свой анализ ключевых изданий по музеологии за 2010–2020 гг. (Международный справочник музейных исследований, Энциклопедический словарь музеологии и др.) на предмет авторства текстов⁶. Они статистически, в процентных отношениях подсчитали, что в этих основополагающих изданиях представлены статьи преимущественно англо/франко язычных авторов, ограниченно — восточноевропейских и единично — неевропейских исследователей. В результате декларировалась необходимость деколонизации музеологических изданий, выдвигалось требование шире предоставлять страницы международных изданий латиноамериканским, африканским и азиатским исследователям. Авторы считали, что это стимулирует развитие там научных школ, что в свою очередь даст импульс к обновлению музеологии.

Корректность выводов авторов статьи вызывает вопросы. Казалось, общеизвестна истина, что по географическому принципу научные школы не рождаются, публикации являются либо результатом анализа данных, либо изложением музейных практик. Предпосылками к их возникновению должны быть политико-экономические и социокультурные условия. Но этот призыв к обновлению музеологии через деколонизацию не выдерживает критики по другому основанию, о чем пишет в ответной статье, опубликованной в последнем специальном сборнике ИКОФОМ, Ф. Мересс⁷. Он отмечает, что в статье Б. Брулона Соареса и А. Лещенко некорректно сформулированы уже предпосылки, т.к. они подразумевают, во-первых, распределение исследователей в мире относительно однородным (в противном случае, не было бы дисбаланса в публикациях), и, во-вторых,

⁴ Ростова Н.Н. Адзорнаменто антропологии: преодоление границы между природой и культурой // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Философия и конфликтология. 2020. Т. 36. Вып. 4. С. 731–750.

⁵ Маньковская Н.Б. Деконструкция. См. по адресу: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH4b339ad17a317e0a5fb64b> (ссылка последний раз проверялась 12.10.2021).

⁶ Brulon S.B., Leshchenko A. *Museology in Colonial Context: A Call for Decolonisation of Museum Theory // Politics and Poetics of Museology*. Paris, 2018. P. 61–79.

⁷ Mairesse F. *The Politics and Poetics of Museology*. Introduction // *The Politics and Poetics of Museology*. Paris, 2018. P. 17–23.

что все исследователи ориентированы на мировое музейное сообщество в целом. Однако реальность такова, пишет Ф. Мересс, что «большая часть музейной литературы, нравится вам это или нет, сосредоточена в двух регионах: Северная Америка и Западная Европа, в которых инфраструктура музеев и университетов наиболее развита». Кроме того, отмечает он, «большинство исследователей в музейной сфере в первую очередь нацелены на местную аудиторию и мало заинтересованы в развитии сторонних идей, в то время как лишь небольшая часть обращена к международному сообществу». Эта последняя категория касается в основном университетских исследователей (реже профессионалов), и они могут свои идеи реализовать только, если взаимодействует с англо/франко говорящими коллегами.

Тематика двух последних симпозиумов ИКОФОМ и публикация материалов к ним является продолжением линии, инициированной Б. Брулоном Соаресом, сегодняшним главой этого комитета. В этих сборниках действительно заметно присутствие латиноамериканских исследователей, ведь соорганизаторами этих симпозиумов выступали национальные комитеты Бразилии, Канады, Чили, Ассоциация латиноамериканских музеев и Ассоциация музеев стран Карибского бассейна, и потому мы видим широкую панораму разнонаправленных изменений в ансамбле отношений вокруг музея, которые были малоизвестны отечественным специалистам. Давайте непредвзято посмотрим, о каких именно магистральных изменениях в музейной практике идет речь, что свидетельствует о деконструкции музейного ландшафта. Многочисленные статьи можно разбить на несколько тематических блоков:

- описание конкретных проектов в русле концепции Новой музеологии (самый большой корпус текстов);
- обсуждение проблем, связанных с реституцией культурных ценностей;
- переосмысление наследия коренных народов через современное искусство в европейских музеях;
- обсуждение постколониальной ситуации в культуре бывших колоний.

Картина, отраженная в текстах сборника, показывает процесс осмысления авторами роли института наследия, произошедший во многом вследствие практического применения идей *Новой музеологии*, предложенной французскими музеологами и оформившейся в определенный концепт в 1980-е гг.⁸ Документальную поддержку этому течению научной мысли и все более широкому ее практическому применению создала Всеобщая декларация ЮНЕСКО о культурном разнообразии 2001 г. и Конвенция об охране нематериального культурного наследия 2003 г. Особенно значимым стал последний документ, переключивший внимание специалистов с работы над коллекциями на местное сообщество, фольклорную, национальную, деятельностьную составляющую. Это неизбежно развернуло музей вовне, побудило выйти за границы институциональных профессиональных стен и в результате размыло ролевою оппозицию музейный работник (хранитель/хозяин)— посетитель (гость). Изменения произошли практически во всех странах мира и стали столь глубоки, что охватывают все сферы, превращая музей в полноценный социальный институт⁹.

⁸ Куклинова И.А. Новая музеология: современное осмысление концепта // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2020. № 3 (44). С. 68–72.

⁹ Petrunina L. Museums: Towards the Social Institution // The Future of Tradition in Museology. Materials for a discussion. Paris, 2019. P. 133–138.

Обзор материалов хочется начать с цитаты Б. Брулона Соареса, редактора одного из двух сборников: «Деколонизация музеологии: музеи, активность сообществ и деколонизация», в который включены многочисленные статьи, содержащие описания наиболее авангардного опыта в музейной практике. Именно поэтому он пишет, осторожно нащупывая подходы к характеристике этого явления: «Что-то разрушает музей, одновременно расширяя социальное измерение сегодняшнего музейного опыта. Музей, унаследованный нами от европейской современности, не тот же самый. За последние два десятилетия, по мере того как XXI в. переосмыслил вопросы наследия в соответствии с социальными требованиями коренных народов, музейный опыт больше не определяется исключительно терминами его экспертов. Сегодня в результате переговоров о политическом использовании культурного наследия, музей присваивается теми социальными группами, которые оспаривают утопическую репрезентацию своей идентичности»¹⁰. Как видим, для редактора-составителя самой важной новацией является вовлечение новых социальных групп, которые теперь активно включились в музейную практику. Они по-своему трактуют музейные формы и это кардинально меняет облик традиционного музея.

Первый блок текстов связан с использованием идей *Новой музеологии*. Ориентированные на местные сообщества, они получили широкое распространение в последнее время и на новом витке инициируют другую фазу социального эксперимента. Особенно ярко это проявилось в Бразилии, где в рамках Национальной музейной политики, принятой в 2003 г. совместными усилиями Министерства культуры, Министерства юстиции и Бразильского института музеев, была разработана Программа локальной памяти и продвигались музеологические процедуры среди общин коренных народов для проявления их идентичности. Упор при этом делался на самоуправление, саморефлексию и авторство коренных народов¹¹. В результате этой политики родилась некая новая экспериментальная форма музея без коллекции, музея, не нацеленного на посетителей, но ориентированного на местное сообщество.

Так, в статье «Живой музей Сан-Бенту в Рио-де-Жанейро» рассказывается история необычного музея¹². Территория районов Дуке-де-Кашеас и Реконкаво Гуанабарино, что располагаются в бедном пригороде Рио-де-Жанейро, посещалась студентами, преподавателями, резидентами более 20 лет. И в 2008 г. по требованию специалистов в области образования, истории и культуры (Ассоциация профессоров-исследователей истории—СЛИО и Профессиональный союз образования SEPE/Caxias) здесь удалось, наконец, организовать муниципальный музей в рамках экспериментальной музеологии, направленной на изучение локальной истории.

Музей этот задуман как «место человеческого опыта». Он представляет собой часть старого города с элементами деревни: «Это место с домами, местной торговлей, улицами, животными, природоохранной зоной (АРА), площадью, транспортом и людьми, которые двигаются, танцуют, работают, воскресают и умирают»¹³. Здесь есть археологические

¹⁰ *Brulon S.B.* Introduction // *Decolonising Museology: Museums, Community Action and Decolonisation*. ICOFOM. Paris, 2020. P. 51–71.

¹¹ *Cury M.X.* *Metamuseology, Museology and decolonization indigenous people and museums in Brazil* // *Decolonising Museology: Museums, Community Action and Decolonisation*. ICOFOM. Paris, 2020. P. 75–79.

¹² *Carias A.C., Souza M.S., Nogueira R.M.* *As pegadas inventadas pelo Museu Vivo do São Bento na Baixada Fluminense* // *Decolonising Museology: Museums, Community Action and Decolonisation*. ICOFOM. Paris, 2020. P. 160–175.

¹³ *Ibid.* P. 161.

раскопки, датируемые VI–IV тысячелетием до н.э., колониальные постройки XIX в. типа фермы на Игуасу, капеллы Носа-Сеньора-ду, другие здания постколониального периода.

Музей состоит из команды педагогов и историков, работающих в образовательной публичной сети муниципального правительства Дуке-де-Кашиас, на которую правительством выделяются средства для работы по просвещению в области наследия. Музей существует как собрание маршрутов педагогической направленности. Были созданы основной и второстепенные маршруты с опорой на приемы экспериментальной музеологии. Главное здесь — поиск смыслов, обретение новых способов интерпретации реальности в процессе ознакомления с территорией, где сохранились следы периода рабства, республики и настоящего времени. Посещение проходит под руководством учителя, который предлагает критическое прочтение траекторий человеческой судьбы, борьбы, сопротивления и конформации.

Авторы пишут, что в процессе интерпретации места памяти приобретают статус исторических и культурных ценностей, утверждаются как наследие, которое необходимо сохранить. Это придает легитимность местному населению, исключенному из официальной истории, через такую работу оно обретает уважительное отношение к собственной территории и локальной истории. Музей стал инструментом защиты исторического, культурного и археологического наследия и средством самоидентификации жителей с местом их обитания.

Примерно аналогичную позицию «желание музея» в реализации своих прав меньшинств демонстрируют активистки «Музея акушерок», деятельность которого рассматривается авторами статьи как «экспериментальный процесс в постоянном преобразовании, движимый волей и традиционными знаниями акушерок в штате Пернамбуку»¹⁴.

Эти формы социального музея, общинного музея, парамузея (термин Петера ван Менша) стали мощным средством социокультурных преобразований в рамках местной территории. О разнообразии таких музеев, которые во множестве появились в Бразилии, Чили, Мексике, Колумбии, их задачах и приоритетах повествуется в статьях сборника с характерными названиями: «Индийцы тикунa и мир музея»¹⁵, «История музея Магута», «Музей переездов: Mogadia и память», «Безмолвие и новые горизонты воспоминаний: социальная роль Музея самбы» и многих других. Главная заслуга этих музеев — адаптация различных форм музейной активности под потребности местных сообществ. Музеи становятся гибким инструментом развития, предоставляют адекватную форму для решения социальных проблем сообщества.

Все вышеперечисленные музеи являются примерами активной самоорганизации местного населения. Здесь уместно отметить, что раньше организацией музеев в рамках движения Новой музеологии (экомузеев, этномузеев, общинных музеев) занимались исследователи (антропологи, этнографы, музеологи), лишь привлекая к своей работе представителей местного сообщества. Теперь же инициатива перешла к местному населению, они не довольствуются только представительством и добиваются своего голоса, чтобы

¹⁴ *Morim J.* O Museu da Parreira enquanto processo experimental // Decolonising Museology: Museums, Community Action and Decolonisation. ICOFOM. Paris, 2020. P. 193–212.

¹⁵ *Faulhaber P.* Os índios Tikuna e o mundo dos museus // Decolonising Museology: Museums, Community Action and Decolonisation. ICOFOM. Paris, 2020. P. 91–102; *Teixeira S.* Museu das Remoções: Moradia e Memória // Decolonising Museology: Museums, Community Action and Decolonisation. ICOFOM. Paris, 2020. P. 226–238; *Santos D.R.* Memórias silenciadas e novos horizontes: O papel social do Museu do Samba // Decolonising Museology: Museums, Community Action and Decolonisation. ICOFOM. Paris, 2020. P. 213–225.

точнее говорить о своеобразии своего мироощущения, понимании своей темпоральности, временной протяженности и циклах жизненного круговорота.

Хочется напомнить, что традиционно музей являлся способом представления своих ценностных ориентаций и своей значимости на общественной авансцене для определенных социальных групп¹⁶. Подчеркнем, музей не был способом социализации, он был способом презентации. В данном случае видно, что ситуация принципиально поменялась — музей используется как организационная форма, позволяющая через актуализацию своих традиций и культурного уклада очертить границы социальной группы и тем самым определить свое место в обществе. Эта новаторская практика, обращенная прежде всего на внутренние проблемы сообщества, превращает музей в полноценный социальный институт. Его основной функцией становится институциализация моделей поведения людей, живущих по соседству, на основе самоидентификации. Тем самым они превращаются в живой коллектив носителей определенных ценностей, ставших важным элементом разнообразия для общества в целом. Актуализация нематериального культурного наследия, его интерпретация, его трансляция будущим поколениям, расширение ареала носителей через закрепление моделей поведения — вот основная задача общинного музея. Но это и есть характеристики и функции социального института! И в этом случае мы видим, как традиционный профессионально ориентированный музейный институт принимает на себя новые задачи, трансформируется для того, чтобы подтвердить свою жизнеспособность ровно в соответствии с размышлениями Петера ван Менша и Леонтины Мейер-ван Менш о преобладании интегративных тенденций в современном мире, о *музее 3.0*¹⁷.

Сегодня сообщества коренных народов активно расширяют свои права, рассматривая музей и как инструмент политической борьбы (что также является функцией социального института), и не позволяют перехватить инициативу государственным структурам. Попытки правительства регулировать этот процесс не всегда удаются. Так, Леон П. Беллинха из Университета Рио-де-Жанейро приводит пример Государственного музея коренных народов в Рио-де-Жанейро, который был закрыт из-за отсутствия посетителей¹⁸. Тогда как общинные музеи приобретают все больший вес, так что «сегодня становятся силой, с которой нужно считаться», как замечает в упоминавшейся уже вступительной статье Б. Брулон Соарес¹⁹.

Вслед за коренными народностями право на социальные музеи предъявляют и представители сексуальных меньшинств и ЛГБТ сообществ. Как замечает Б. Брулон Соарес, статьи представляют «следы опыта, которые не могут быть включены ни в какие академические издания», но они свидетельствуют «о новом времени для создания музеев — времени, разделяемом социальными группами, которые исключены из колониального хронотопа»²⁰. Размышления, написанные сотрудницами Музея идентичности и гордости в Сан-Хосе и Университета Сан-Хосе Коста-Рики в статье «Музей как пространство сообщества и деколонизации: случай музея МЮ в Коста-Рике и восстановление

¹⁶ Петрунина Л.Я. Музей изобразительных искусств как социальный институт художественной культуры. Диссертация ... канд. философ. наук. М., 1991.

¹⁷ Менш ван П., Мейер-ван Менш Л. Новые тренды в музеологии. М., 2021. С. 77–81.

¹⁸ Bellinha P.L. Decolonizing a Colonizer's Tool // The Decolonisation of Museology: Museums, Mixing, and Myths of Origin. Paris, 2021. P. 298–311.

¹⁹ Brulon S.B. Introduction. P. 68.

²⁰ Ibid. P. 61.

памяти ЛГБТИК+»²¹ достойны более подробного изложения. Авторы пытаются ответить на вопрос, какова сегодня роль музеев, представляющих конкретное сообщество? Служат ли они отстаиванию прав этого сообщества и построению картины мира, которая отражает разные точки зрения на общую реальность? Выполняют ли они задачи солидарности и социальной интеграции?

Все музеи ЛГБТИК+ могут считаться музеями прав человека, пишут авторы. Цель таких музеев — дать возможность дискриминируемым меньшинствам получить автономию (опять же — функция социального института), продвигать свободу и равенство для всех людей. Музей МЮ не является исключением, он стремится к освобождению сообщества, которое заставили замолчать, оскорбляли и мало понимали. Создание музея, посвященного сообществу ЛГБТИК+, — это шаг вперед в создании более справедливого мира.

Идея МЮ возникла по инициативе Энрике Санчеса, депутата от Партии гражданского действия, который во время своей предвыборной кампании 2018 г. получил поддержку этого сообщества. В дальнейшем он стал одним из организаторов Музея самобытности и гордости МЮ (создан в 2018 г.). Музей МЮ, разворачивают свои мысли авторы, исповедует новую концепция музея, ориентируясь на текущие дебаты в ИКОМ по новому определению музея. Музей осознает свою роль как важного общественного института, который понимает свою социальную ответственность за создание более открытого, здорового и справедливого общества. Он создан для защиты памяти и достоинства конкретного сообщества.

МЮ представляет собой пространство (виртуальное, т.к. музей не имеет физической локации, есть лишь сайт) для восстановления памяти сообщества. Здесь можно зарегистрироваться и представить какие-то события, создать встречу, которая объединяет все население, основанное на терпимости, уважении, разнообразии и правах людей. Музей на первый план выносит обсуждения, беседы, на которые мало кто решается, открывая себя для широкой публики. Таким путем музей стремится преодолеть конфликты, проходящие через тело, поскольку это — феминистский, антирасистский музей, поддерживающий нейродивергентные популяции тела, включая автохтонные сообщества. Ведь борьба ЛГБТИК+ проходит через гегемонистскую гетеронорму по отношению к телу: белые, европейцы, цисгендеры, гетеросексуалы, средний / высший класс и т.д.

Несколько раз промоутеры проекта задавались вопросом: почему музей? В связи с этим исполнительный директор Х. Санчес заявил: «Мы задавались вопросом, было ли то, что мы искали, музеем? Мы размышляли, что нам нужны средства для образовательной деятельности, для организации социального диалога и пространство, в котором можно представить историю отношений к телу. И мы пришли к выводу, что музей — это идеально, чтобы быть гибким, образовательным и игровым местом»²². Первым шагом было создание фонда, юридического лица, которое позволило бы музею соблюдать Этический кодекс ИКОМ, а также собирать пожертвования, привлекать волонтеров, создать систему сдержек и противовесов, демократическую структуру независимо от идеологии. Вместе с фондом было организовано Собрание учредителей и спонсоров. Оно выбирает Совет директоров, который назначает исполнительного директора. Невзирая

²¹ *Bonilla-Merchav L., Brenes T.M.* El museo como espacio comunitario y decolonizador: El caso del Museo MIO en Costa Rica y la recuperación de la memoria LGBTIQ+ // *Decolonising Museology: Museums, Community Action and Decolonisation*. Paris, 2020. P. 268–283.

²² *Ibid.* P. 272.

на отсутствие финансовых ресурсов, многие присоединились к делу, и благодаря этому сегодня музей работает с командой междисциплинарных профессионалов. В этом смысле МЮ можно считать общественным музеем, ориентированным на обсуждение проблем.

Команда музея подготовила стратегический план на 2020–2023 гг., ожидается, что к 2023 г. появится постоянная площадка, где разместятся постоянные и временные выставки, показывающие историю движения ЛГБТИК+ в Коста-Рике с 1948 по 2010 гг. Созданы альянсы с аналогичными музеями в регионе, чтобы стать основанием международной сети музеев ЛГБТИК+, перечислены музеи из Колумбии, Эквадора и Мексики. В числе музеев, с которыми были установлены связи, есть и чилийский «Музей Di, отойдя от истории туалета»²³. В сборнике представлены также статьи других авторов, рассказывающих о музеях таких сообществ: «Представьте музей и расширьте свою аудиторию: размышления о квир-матрицах», «Музей Бажуба: одно предложение культурного города для людей ЛГБТИ+».

Нетрудно предположить, что инклюзивным правом воспользуются не только инвалидизированные посетители, но и другие сообщества после того, как музеи провозгласили политику инклюзии (см. конференцию ИКОФОМ 2013 г. в Рио-де-Жанейро «Особенный посетитель: каждый из нас»). О такой стратегии обновления деятельности Национального музея Колумбии пишет его сотрудница Аледжандро Суарес, представляя свой проект включения членов ЛГБТ сообществ в «Программу сообществ, доступности и инклюзии». Ее статья, размещенная на страницах сборника ИКОФОМ, так и называется «Для очень чимбитского музея: преобразовать с помощью Программы сообществ, доступности и инклюзии»²⁴. Принятие ЛГБТ как отдельной группы в стенах национального музея, разработка специальных программ для них — это стратегический шаг в развитии инклюзивного движения, который раскрывает особенности музея как гибкого института, откликающегося на потребности общества.

Как видим из серии статей, объединенных в отдельный раздел издания ИКОФОМ под названием «ЛГБТ опыты для музейного активизма», движение расширяется, и музеологи уже не могут закрывать глаза на существование таких музеев, особенно в условиях, когда ЛГБТ+ сообщества осмысленно применяют документы ИКОМ и ЮНЕСКО для легализации своего существования, используя «гибкую музейную форму». Эта адаптивность делает музей полноценным социальным институтом. Использование Гегелевского закона перехода количества в качество позволяет осмыслить происходящее в стройных научных категориях.

Основная активность этих парамузеев направлена на внутренние задачи сообществ, в основном на установление связей и определение границ на основе самоидентификации. Что здесь остается от традиционных сфер музейной деятельности? Они сводятся

²³ *Adriazola F.V., Fontaine F.M., Rojas R.G., Gutiérrez F.R., Mena T.B.* Museo Di, sacar la historia del closet // Decolonising Museology: Museums, Community Action and Decolonisation. Paris, 2020. P. 254–267; *Nicolau E., Oliveira G.A.S., Domingues S.L., Xavier P.V., Alcântara R.* Performar o museu e ampliar seus públicos: Reflexões para matrizes queer // Decolonising Museology: Museums, Community Action and Decolonisation. Paris, 2020. P. 298–311; *Rodrigues R. de C.C., Morando L.* Museo Bajubá1: uma proposta de cidadania cultural para pessoas LGBTI+ // Decolonising Museology: Museums, Community Action and Decolonisation. Paris, 2020. P. 312–323.

²⁴ *Caro A.S.* Por un Museo bien chimbita: transformar el Museo Nacional de Colombia desde el Programa de Comunidades, Accesibilidad e Inclusión // Decolonising Museology: Museums, Community Action and Decolonisation. Paris, 2020. P. 284–297.

к минимуму: коллекционирование, изучение и реставрация, прежде обозначавшиеся как основные формы работы, отсутствуют совсем: нет зданий, нет коллекций, нет штата сотрудников. Музеи виртуализируются и акционируются, что еще больше сближает их с социальными институтами. Фундаментом для объединения становится территория, сохранившая отпечатки истории (в случае общинных музеев), и отношение к телу — для музеев ЛГБТ+. Музеи вписываются в обиходный контекст, соединяются с привычным жизненным укладом. Они существуют как набор маршрутов, которые проводят педагоги (общинные музеи), и собрание психологически откровенных диалогов (среди членов ЛГБТ сообществ). Приоритетной функцией становится коммуникация и просвещение, которые видоизменяются до сторителлинга, призванного поменять угол зрения на историю места проживания, в первом случае, и диалоги о своей особенной телесности — во втором. Вероятно, можно ожидать появление других оснований для объединения, солидаризации и идентификации, при которых может быть использована гибкая форма музея как социального института.

Второй по объему блок текстов связан с проблемой реституции культурных памятников и переосмыслением колониального наследия. Здесь не все так однозначно, как можно предположить. Наряду с традиционным категоричным требованием возврата памятников появляется другой, более мягкий подход. Так, Марция Чува, доцент Федерального университета штата Рио-де-Жанейро, в статье озаглавленной «Истории для деколонизации: Национальный музей этнологии Лиссабона и его африканские коллекции»²⁵ пытается вписать проблему реституции в современную деколониальную повестку. Она предлагает для обсуждения три тезиса. В *первом* М. Чува говорит о важности обмена культурными ценностями, который рассматривается ею как часть *modus operandi* для музеев и представляет реституцию как свободную циркуляцию музейных предметов. Они могут быть востребованы в нужное время разными учреждениями по разным мотивам. То есть, реституция не рассматривается ею как передача в собственность произведений другому музею. Предлагается некий свободный оборот музейных коллекций, при котором отодвигается на второй план проблема собственности. *Второй* тезис связан с необходимым предварительным этапом, анализом истории появления в музее запрашиваемых объектов, касается традиций собирательства и понимания условий и возможности реституции. *Третий* выдвинутый ею тезис подчеркивает необходимость уважать чувствительное прошлое, с осторожностью подходить к историческим событиям и связанную с этим напряженность социальных проблем. Статью она завершает мыслью о том, что: «Если желание, заявленное государством на возврат предметов, не соответствует инвестициям в образование, вряд ли новые рассказы о колониальной истории помогут, и мало что будет сделано для реституции как деколониальной практики»²⁶. То есть теперь в противовес категоричным требованиям возврата, музеологи, ориентируясь на современную мобильность, начали размышлять об адекватности требований, о возможностях временной передачи культурных ценностей. Это свидетельствует о другом подходе к проблеме, сменившем гораздо более жесткую позицию.

Третий блок текстов представляет точку зрения европейских специалистов в отношении к реституции. Во многих статьях декларируется стремление реформировать музеи

²⁵ *Chuva M. Histórias para descolonizar: o Museu Nacional de Etnologia de Lisboa e suas coleções africanas // Decolonising Museology: Museums, Community Action and Decolonisation. Paris, 2020. P. 72–90.*

²⁶ *Ibid. P. 90.*

через переосмысление наследия коренных народов. В статье Марион Бертин из *École du Louvre* «Что значит “деколонизировать” музеи?»²⁷ приводятся примеры того, как музеи снимают напряженность ситуации пребывания в их стенах колониального наследия, являвшегося до последнего времени предметом гордости. В качестве широко распространенного приема она называет переименование экспозиций. Это является результатом смены угла зрения на колониальное наследие и его презентацию, что свидетельствует о разрыве со старой этнологической перспективой. Так, теперь название «Культуры мира» используется для этнографических экспозиций в музее Франкфурта и шведском Гетеборге, а музей Хорнимана в Лондоне представляет свои африканские коллекции в «Галерее слов».

Исследование архивов помогает пониманию истории и способов приобретения колониальных коллекций. В 2018 г. в Музее этнологии Дрездена работала выставка из японской коллекции, с уточнением информации о происхождении и методах приобретения экспонатов. В Швейцарии в 2019 г. прошла выставка «Стремление к знаниям питает жажду коллекционирования», где рассматривалось это хобби, основанное на твердом знании происхождения предметов коллекции. В Музее Ритберга в Цюрихе в рамках постоянного курса по типологии приобретений ввели специальный раздел о провенансе произведений.

Тема деконструкции экспозиций коренных народов затронута Кристин Блард из бельгийского Королевского музея Центральной Африки²⁸. В своей статье она рассказывает о времени реконструкции музея. Когда в 2002 г. пришел новый директор, он пригласил художника из Киншасы, Шери Самба, который создал во время работы в артрезиденции историческую картину, показывающую момент похищения группой конголезцев музейных предметов (шкуры леопарда, слона), против которой протестует группа сотрудников музея. Картина теперь экспонируется в залах рядом со старыми коллекциями и поднимает вопрос: что сохранять и что показывать.

Аналогичные приемы приглашения современных художников в музейные артрезиденции для создания произведений «постэтнологического» свойства использовали Музей культур во Франкфурте, Музей археологии и антропологии в Кембридже, музей естественной истории Руана и Ла-Рошели и многие другие. Созданные работы затем объединяются с витринами экспозиции для взаимодействия со старыми объектами, принося новые смыслы.

В Европе распространена практика приглашенного кураторства для выставок, тематически связанных с коллекциями народов Азии и Африки. А в музеях Австралии, Новой Зеландии, Канады, США для управления коллекциями, тематически близкими коренным общинам, с 1990-х гг. используют приглашенный персонал²⁹.

Другой пример сотрудничества с коренными народами — это регулярные посещения музеев представителями местных общин. Так, Музей археологии и антропологии Кембриджа сотрудничает с островами пролива Торреса (Австралия). Музей Питт-Риверса

²⁷ Bertin M. Que signifie « décoloniser » les musées? // The Decolonisation of Museology: Museums, Mixing, and Myths of Origin. Paris, 2021. P. 43–47.

²⁸ Bluard C. Africamuseum: reorganization // The Decolonisation of Museology: Museums, Mixing, and Myths of Origin. Paris, 2021. P. 53–57.

²⁹ Daavo C.Z. Les musées africains et le patrimoine immatériel: quelques pistes pour une nouvelle uséologie // The Decolonisation of Museology: Museums, Mixing, and Myths of Origin. Paris, 2021. P. 80–84.

в Оксфорде поддерживает тесные связи с общинами Масаи (Кения). Эти встречи укрепляют знание материала коллекций³⁰.

Четвертый массив текстов представляет постколониальную ситуацию в культуре бывших колоний. В докладе «Деколонизация музеологии: рефлексивный анализ музея и сообществ в Кот-д'Ивуаре»³¹ представитель Министерства культуры страны описал ситуацию с музеями, которые возникли еще при правлении Франции и обладают обширными коллекциями предметов местного происхождения. В основном речь идет о Музее цивилизаций Кот-д'Ивуара, который был создан на базе Французского института Черной Африки. Сейчас в нем хранится более 12 000 предметов, в том числе маски, скульптура, атрибуты власти, барабаны, изделия из керамики. Автор отмечает, что в последнее время стали появляться другие общественные музеи, такие как Музей Беттье, Музей Зарану и Бингервилля. К. Ирнест пишет, что местные жители прежде не озадачивались сохранением культурного наследия, а появление новых музеев свидетельствует об изменении отношения. Остро ощущается проблема подготовки музейных сотрудников, специальность можно получить в Нигерии или Бенине, преподавание там ведется на французском языке. Всего в стране насчитывается около 300 музейных сотрудников.

В 2006 г. в Национальном музее Кот-д'Ивуара была открыта постоянная выставка «Самобытность и смешение культур», каталог выставки был разработан в сотрудничестве с местными сообществами, что стало заметным событием. К. Ирнест подчеркивает, что только при помощи ЮНЕСКО и ИКОМ можно достичь серьезного улучшения ситуации в музеологии.

Ситуацию в Зимбабве описал доцент столичного университета С.С. Читима³². Он представил выводы многолетнего исследования семи крупнейших музеев страны, в том числе Музея национальной истории, Зимбабвийского музея гуманитарных наук им. королевы Виктории, Национального музея транспорта и древностей, Музея военной истории, Музея полиции Республики Зимбабве. В исследовании использовались наблюдение, глубинные интервью и дискуссии в фокус группах. Исследование охватывало 740 человек, включая сотрудников музеев, университетских преподавателей, школьных учителей, журналистов, представителей различных местных, как белых, так и цветных и черных сообществ Зимбабве. Вывод был обескураживающий: даже спустя 40 лет независимости страны музеи в Зимбабве воспринимаются как инородные западные институции. Почему усилия правительства, вкладывавшего значительные средства в музейные преобразования, не принесли результатов? Во-первых, потому что местные сообщества не воспринимали эту деятельность как свою собственную, как желание представить свои достижения, свои ценности на суд общества и тем самым утвердить свою значимость в глазах других социальных групп. Во-вторых, коллекции предметов, составивших экспозиции, были основаны на предметном массиве, им не принадлежащем. А если предметы и имели принадлежность какому-либо сообществу, они были включены в обиходные формы жизни и не воспринимались как вещи, достойные представления как особые ценности.

³⁰ *Geert F.* Muséologies postcoloniales et décoloniales. Ou les frontières poreuses des concepts muséologiques // *The Decolonisation of Museology: Museums, Mixing, and Myths of Origin*. Paris, 2021. P. 221–225.

³¹ *Ernest K.* La décolonisation de la muséologie: analyse réflexive sur les musées et les communautés culturelles en Côte d'Ivoire // *The Decolonisation of Museology: Museums, Mixing, and Myths of Origin*. Paris, 2021. P. 130–134.

³² *Chitima S.S.* Negotiating the Decolonisation of National Museums in Zimbabwe // *The Decolonisation of Museology: Museums, Mixing, and Myths of Origin*. Paris, 2021. P. 67–70.

Исследователи пришли к выводу, что проведенная смена наименования музеев, организованных в период колониализма, не дает желаемого результата, что экспозиции, построенные по европейским образцам, в постколониальном периоде плохо воспринимаются местным населением, что требуется не просто реэкспозиция, но серьезная смена интерпретации контента. Но самым важным, как отмечают исследователи, становится работа музеев по просвещению населения, иначе не удастся достичь положительного результата, и музеи так и останутся чужеродным элементом для коренных жителей Зимбабве.

Стоит отметить, что в оценке ситуации в Зимбабве, которую дает С.С. Читима, чувствуется европейский подход. В заключении автор пишет: «Национальные музеи Зимбабве все еще находятся под влиянием западной музеологии и это мешает им трансформироваться, чтобы отражать и обслуживать потребности коренных общин»³³. Он считает необходимым включить всех зимбабвийцев — черных, белых, цветных — в обсуждение своей истории и культурного наследия. То есть проведенное исследование фиксирует, что унаследованная Зимбабве западная модель организации музея по схеме профессиональной институции, выполняющей основные музейные функции (сбор, сохранение, изучение и экспонирование), не работает в данном случае. Усилия правительства на протяжении более, чем 40 лет не принесли желаемых результатов: местное население мало интересуется тем, что было привнесено в культуру белыми колонизаторами, и даже частично адаптированная под местные потребности такая институция отторгается.

Это напоминает проблемную ситуацию, которая еще недавно стояла перед музеями в латиноамериканских странах. Свидетельство этому описанный Л.П. Беллинха опыт Государственного музея коренных народов в Рио-де-Жанейро, который был организован официальными органами как традиционный музей и вынужденно закрыт из-за отсутствия посетителей (см. выше). Этот пример показывает, что насаждаемое сверху по европейским моделям просвещение имеет свойство отторгаться, потому что не соответствует миропониманию и культурным традициям коренных народов. Тогда как экспериментальная музеология, т.е. трансформированные музейные формы предлагают оптимальное решение задачи и могут органично вписываться в уклад жизни коренных народов. И это не просто отторжение того, что привнесли бывшие колонизаторы, это несовпадение культурных кодов, разность мировосприятия, о чем пишут современные философы, изучавшие традиции и ритуалы индейцев³⁴.

Какие выводы можно сделать из этого обзора? Как это влияет на понимание того, что есть музей сегодня? Давайте уточним, в чем состоит сегодня трансформация формы музейного института. Как видно из обзора, музеями стремятся себя называть некоторые группы людей, объединенных по какому-либо признаку. В случае с Живым музеем Сан-Бенту в Рио-де-Жанейро — это педагоги и историки, объединившиеся на ниве просвещения местного населения. При этом пока нет других компонентов, привычных для нашего понимания музея: нет коллекции, нет здания, нет экспозиции. Есть только «собрание маршрутов педагогической направленности», т.е. деятельность по коммуникации с местным индийским населением бедного пригорода Рио-де-Жанейро. Другой приведенный выше пример — Музей акушерок из штата Пернамбуку демонстрирует активность женщин местного племени, направленную на воспроизводство традиционных

³³ Ibid. P. 70.

³⁴ Ростова Н.Н. Адзорнаменто антропологии: преодоление границы между природой и культурой. С. 731–750.

знаний и приемов, обеспечивающих продолжение рода. В случае с музеями ЛГБТ сообществ объединение достигается на базе отношения к телу и имеет в своей основе только коммуникацию и часто виртуальную, как мы видели в случае с Музеем МЮ в Коста-Рике. Все активисты из обзора надеются приобрести компоненты, присущие традиционным музеям: хотят получить площадки для постоянной экспозиции, намерены собрать коллекции, строят планы по организации выставок. То есть, их траектория развития движется в сторону традиционного музея. Вместе с тем, разбирая пошагово сегодняшнюю деятельность этих групп, которые руководствуются нормативными документами ИКОМ и ЮНЕСКО, мы видим, что пока наименованием музей институционализируется деятельность, которая раскрывает важнейший этап в развитии традиционного музея, позволяющая считать его социальным институтом. И если в результирующей стадии сформированного музея нам трудно усмотреть этот начальный деятельностный компонент, то при разборе этапов строительства он становится очевидным. Это позволяет нам утверждать, что музей является по своей природе социальным институтом. То есть не наличие коллекций и профессиональная/регламентированная работа с ними являются институализирующей базой, а деятельность людей, объединенных по какому-либо признаку.

Можно сказать, что приведенные выше примеры музеев являются неким отклонением от знакомой нам европейской нормы. В этой связи хочется напомнить материал, который использовался мною для аргументации в диссертации «Музей изобразительных искусств как социальный институт». Работая в архивах, я нашла рукопись С.И. Битюцкой, старейшего сотрудника Третьяковской галереи, показывающую как в последней трети XIX в. в России после Земской реформы, создавшей условия для развития местного самоуправления, появляются во многих городах художественные музеи. Они создаются усилиями купцов, инженеров, учителей, врачей, художников, военных и т.д., первоначально объединившихся в Общества любителей художеств. О появлении таких музеев в Астрахани, Владимире, Казани, Саратове, Смоленске, Одессе, Новгороде, Харькове и т.д. она писала, обратившись к исследованию особенностей коллекционирования в России: «Все наши художественные музеи обязаны своим возникновением частной инициативе»³⁵. Не вдаваясь в подробности, подчеркнем, что в основе организации этих музеев лежит деятельность социальных групп, объединенных любовью к произведениям искусства. Это — основное свойство социального института, которое позволяет причислить и музей к корпусу социальных институтов, а также показать его универсальную природу через тождество происходящего сегодня в Латинской Америке с тем, что было в России в последней трети XIX в.

Вернемся к определению музея. Вслед за обсуждаемыми нами сборниками по деколонизации, ИКОФОМ выпустил очередной, 48 том своего альманаха, с говорящим названием: «Определение музея: трудности и компромиссы XXI века». Во вступительной статье его редактор Б. Брулон Соарес призывает рассмотреть сложившуюся оппозицию: «музей как постоянный институт» — «музей как полифоническое пространство (space)»³⁶. Это противопоставление снимается при внимательном прочтении статьи Ф. Мересса и О. Гирагосян из того же сборника³⁷. Они представляют анализ 269 ответов,

³⁵ *Битюцкая С.И.* Материалы по истории русского коллекционирования // Отдел рукописей Государственной Третьяковской галереи. Ф. 104. Ч. 2. Д. 69, 73, 74, 75, 167.

³⁶ *Brulon S.B.* Introduction // Defining the museum: challenges and compromises of the 21st century. Paris. 2020. P. 16–32.

³⁷ *Mairesse F., Guiragossian O.* Définir le musée à travers le monde // Defining the museum: challenges and compromises of the 21st century. Paris. 2020. P. 147–162.

собранных ИКОФОМ в процессе уточнения понимания музейного феномена во всем мире, и различных способов его определения в течение первой половины 2019 г. в рамках подготовки Генеральной конференции ИКОМ в Киото. Этот анализ показывает схожесть и различия на уровне больших регионов/материков: Европы и Северной Америки, Африки и Тихоокеанского региона, Латинской Америки и Арабских стран. Но при всех различиях список наиболее употребительных слов возглавляет «музей» (200 раз), затем следует «институт» (118 раз), а «пространство» (“space” 62 раза) занимает 5 позицию. Из этого с очевидностью следует, что основная масса причастных музейной деятельности воспринимает музей как институт. Однако современные трансформации традиционного музея уже размыты новыми его формами, такими как музеи под открытым небом, экомuzeи, музеи в общинах/школах/научных институтах, музеи на землях коренных народов, мобильные музеи, онлайн-музеи и все другие «неструктурные» музеи или «парамузеи», как их обозначил П. ван Менш. Как было показано выше, все они как музей институализируются на основе деятельности людей по поводу какого-либо наследия/ценностей, они — музеи деятельности, пока не получившие опредмеченной формы (коллекций). Причем, какие-то планируют обрести ее в будущем в виде коллекций и зданий, как видно из обзора, а другие в соответствии с современным уровнем технологии не намерены этого делать, оставаясь только в виртуальном пространстве. Однако, если учесть, что сегодня виртуальное пространство называют второй реальностью, то, возможно, что эти музеи останутся в таком виде как окончательном варианте существования.

Что сегодня происходит с музейными коллекциями, с этими опредмеченными ценностями, передаваемыми из поколения в поколение? П. ван Менш в своей последней работе приравнивает их к архивам (см. главу «Коллекция vs архив»)³⁸. А Т. Шола указывает на важную тенденцию, как музеи, «стремясь сократить социальное и культурное неравенство»³⁹, повышают степень доступности и разрабатывают программы для широких групп посетителей. Самым распространенным способом, особенно в период ковид-пандемии, стала цифровизация коллекций и интернет как система связи. Сейчас с ускоряющимся темпом мы получаем сообщения об оцифровке и доступности коллекций крупнейших музеев мира: Лувра и Эрмитажа, Метрополитен и Третьяковской галереи и др. Получают распространение виртуальные экскурсии по залам музеев и многие другие новации. Что это значит в контексте наших рассуждений? Это свидетельствует, что прежние опредмеченные ценности (коллекции), которые считались основой институализации музея, теряют свой цементирующий статус. Эту позицию теперь занимает деятельность по поводу интерпретации ценностей. И ее разнообразие программирует формы, интенсивность, стратегию и тактику, которая значительно меняется под натиском технологических и санитарно-ковидных новаций, но с очевидностью показывает институализирующую основу деятельности для музея.

При этом сам корпус наследия разрастается до бесконечности. Это современная реальность, на которую при честном научном анализе нельзя закрывать глаза. И за эту позицию нужно выразить благодарность ИКОФОМ, который неустанно показывает в своих публикациях практическое освоение новых музейных форм.

Вернемся к противопоставлению, которое обозначил Б. Брулон Соарес в редакторском вступлении к 48 тому альманаха ИКОФОМ. Оппозиция традиционного музея как

³⁸ Менш ван П., Мейер-ван Мени Л. Новые тренды в музеологии. С. 17–19.

³⁹ Шола Т. Вечность здесь больше не живет. Толковый словарь музейных грехов. Тула, 2013. С. 109–114.

постоянного института и предложенная в Киото точка зрения на музей как полифоническое пространство (space) снимается, если принять деятельность по поводу ценностей за институализирующую основу музея. Потому что деятельность по поводу ценностей — универсальная характеристика, позволяющая в множество музеев включить наряду с традиционными музеями и музеи под открытым небом, и экомuzeи, и музеи в общинах/школах/научных институтах, и музеи на землях коренных народов, и мобильные музеи, и онлайн-музеи и т.д. Стоит только внести в определение музея уточняющий термин: социальный институт. И тогда новое определение музея будет, с одной стороны, определяться через термин *институт*, который выбрали наибольшее число респондентов из разных стран и континентов в опросе ИКОФОМ, а с другой — охватывать всю совокупность и традиционных, и парамузеев, известных на сегодня. Вместе с тем такое уточнение, как социальный по отношению к институту, позволит расширять и в будущем новационное многообразие любых форм деятельности по поводу наследия, не меняя определения *понятия музей*.

Список литературы

- Куклинова И.А.* Новая музеология: современное осмысление концепта // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2020. № 3 (44). С. 68–72.
- Макаренко В.П.* Распад империй и проблемы колониализма // Политическая концептология. 2012. № 2. С. 6–47.
- Маньковская Н.Б.* Деконструкция // Новая философская энциклопедия. М.: Мысль, 2010.
- Мени ван П., Мейер-ван Мени Л.* Новые тренды в музеологии. М.: ИТД «Перспектива», 2021. 127 с.
- Петрунина Л.Я.* Музей изобразительных искусств как социальный институт художественной культуры. Диссертация ... канд. философ. наук. М.: [Б. и.], 1991. 200 с.
- Ростова Н.Н.* Аджорнаменто антропологии: преодоление границы между природой и культурой // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Философия и конфликтология. 2020. Т. 36. Вып. 4. С. 731–750.
- Шола Т.* Вечность здесь больше не живет. Толковый словарь музейных грехов. Тула: Издательский дом «Ясная Поляна», 2013. 350 с.
- Adriazola F.V., Fontaine F.M., Rojas R.G., Gutiérrez F.R., Mena T.B.* Museo Di, sacar la historia del closet // Decolonising Museology: Museums, Community Action and Decolonisation. Paris: ICOFOM, 2020. P. 254–267.
- Bellinha P.L.* Decolonizing a Colonizer's Tool // The Decolonisation of Museology: Museums, Mixing, and Myths of Origin. Paris: ICOFOM, 2020. P. 180–183.
- Bertin M.* Que signifie « décoloniser » les musées? // The Decolonisation of Museology: Museums, Mixing, and Myths of Origin. Paris: ICOFOM, 2021. P. 43–47.
- Beurden J.* Colonial Collections and Restitution issues—The State of a Global Debate // The Decolonisation of Museology: Museums, Mixing, and Myths of Origin. Paris: ICOFOM, 2021. P. 219–223.
- Bhuard C.* Africamuseum: reorganization // The Decolonisation of Museology: Museums, Mixing, and Myths of Origin. Paris: ICOFOM, 2021. P. 53–57.
- Bonilla-Merchav L., Brenes T.M.* El museo como espacio comunitario y decolonizador: El caso del Museo MIO en Costa Rica y la recuperación de la memoria LGBTIQ+ // Decolonising Museology: Museums, Community Action and Decolonisation. Paris: ICOFOM, 2020. P. 268–283.

Brulon Soares B. Introduction // Defining the museum: challenges and compromises of the 21st century. Paris: ICOFOM, 2020. P. 16–32.

Brulon Soares B. Introduction // Decolonising Museology: Museums, Community Action and Decolonisation. Paris: ICOFOM, 2020. P. 51–71.

Brulon Soares B., Leshchenko A. Museology in Colonial Context: A call for Decolonisation of Museum Theory // Politics and Poetics of Museology. Paris: ICOFOM, 2018. P. 61–79.

Carias A.C., Souza M.S., Nogueira R.M. As pegadas inventadas pelo Museu Vivo do São Bento na Baixada Fluminense // Decolonising Museology: Museums, Community Action and Decolonisation. Paris: ICOFOM, 2020. P. 160–175.

Caro A.S. Por un Museo bien chimbita: transformar el Museo Nacional de Colombia desde el Programa de Comunidades, Accesibilidad e Inclusión // Decolonising Museology: Museums, Community Action and Decolonisation. Paris: ICOFOM, 2020. P. 84–97.

Chitima S.S. Negotiating the Decolonisation of National Museums in Zimbabwe // The Decolonisation of Museology: Museums, Mixing, and Myths of Origin. Paris: ICOFOM, 2021. P. 67–70.

Chuva M. Histórias para descolonizar: o Museu Nacional de Etnologia de Lisboa e suas coleções africanas // Decolonising Museology: Museums, Community Action and Decolonisation. Paris: ICOFOM, 2020. P. 72–90.

Cury M.X. Metamuseology, Museology and decolonization indigenous people and museums in Brazil // Decolonising Museology: Museums, Community Action and Decolonisation. Paris: ICOFOM, 2020. P. 75–79.

Daavo C.Z. Les musées africains et le patrimoine immatériel: quelques pistes pour une nouvelle uséologie // The Decolonisation of Museology: Museums, Mixing, and Myths of Origin. Paris: ICOFOM, 2021. P. 80–84.

Ernest K. La décolonisation de la muséologie: analyse réflexive sur les musées et les communautés culturelles en Côte d'Ivoire // The Decolonisation of Museology: Museums, Mixing, and Myths of Origin. Paris: ICOFOM, 2021. P. 130–134.

Faulhaber P. Os índios Tikuna e o mundo dos museus // Decolonising Museology: Museums, Community Action and Decolonisation. Paris: ICOFOM, 2020. P. 91–102.

Fouché F. Le musée face à l'héritage colonial: un pharmakon? // The Decolonisation of Museology: Museums, Mixing, and Myths of Origin. Paris: ICOFOM, 2021. P. 100–103.

Geert F. Muséologies postcoloniale et décoloniale. Ou les frontières poreuses des concepts muséologiques // The Decolonisation of Museology: Museums, Mixing, and Myths of Origin. Paris: ICOFOM, 2021. P. 221–225.

Labadie C. Décoloniser les collections: enjeux et obstacles de la restitution des biens culturels en droit // The Decolonisation of Museology: Museums, Mixing, and Myths of Origin. Paris: ICOFOM, 2021. P. 135–139.

Mairesse F. Décoloniser la muséologie? // The Decolonisation of Museology: Museums, Mixing, and Myths of Origin. Paris: ICOFOM, 2021. P. 155–159.

Mairesse F. The Politics and Poetics of Museology // The Politics and Poetics of Museology. Paris: ICOFOM, 2018. P. 17–23.

Mairesse F., Guiragossian O. Définir le musée à travers le monde // Defining the museum: challenges and compromises of the 21st century. Paris: ICOFOM, 2020. P. 147–162.

Morim J. O Museu da Parteira enquanto processo experimental // Decolonising Museology: Museums, Community Action and Decolonisation. Paris: ICOFOM, 2020. P. 193–212.

Nicolau E., Oliveira G.A.S., Domingues S.L., Xavier P.V., Alcântara R. Performar o museu e ampliar seus públicos: Reflexões para matrizes queer // *Decolonising Museology: Museums, Community Action and Decolonisation*. Paris: ICOFOM, 2020. P. 298–311.

Rodrigues R. de C.C., Morando L. Museu Bajubá1: uma proposta de cidadania cultural para pessoas LGBTI+ // *Decolonising Museology: Museums, Community Action and Decolonisation*. Paris: ICOFOM, 2020. P. 312–323.

Santos D.R. Memórias silenciadas e novos horizontes: O papel social do Museu do Samba // *Decolonising Museology: Museums, Community Action and Decolonisation*. Paris: ICOFOM, 2020. P. 213–225.

Scheiner T. Réfléchir sur le champ muséal: significations et impact théorique de la muséologie // *Nouvelles tendances de la muséologie*. Paris: La Documentation française. 2016. P. 39–52.

Shiraiwa S., Zabalueva O. Museological Myths of Decolonization and Neutrality // *The Decolonisation of Museology: Museums, Mixing, and Myths of Origin*. Paris: ICOFOM, 2021. P. 203–207.

Teixeira S. Museu das Remoções: Moradia e Memória // *Decolonising Museology: Museums, Community Action and Decolonisation*. Paris: ICOFOM, 2020. P. 226–238.

References

Adriazola, F.V., Fontaine, F.M., Rojas, R.G., Gutiérrez, F.R., Mena, T.B. Museo Di, sacar la historia del closet, in *Decolonising Museology: Museums, Community Action and Decolonisation*. Paris: ICOFOM, 2020. P. 254–267. (In Spanish).

Bellinha, P.L. Decolonizing a Colonizer’s Tool, in *The Decolonisation of Museology: Museums, Mixing, and Myths of Origin*. Paris: ICOFOM, 2020. P. 180–183.

Bertin, M. Que signifie « décoloniser » les musées?, in *The Decolonisation of Museology: Museums, Mixing, and Myths of Origin*. Paris: ICOFOM, 2021. P. 43–47. (In French).

Beurden, J. Colonial Collections and Restitution issues—The State of a Global Debate, in *The Decolonisation of Museology: Museums, Mixing, and Myths of Origin*. Paris: ICOFOM, 2021. P. 219–223.

Bluard, C. Africamuseum: reorganization, in *The Decolonisation of Museology: Museums, Mixing, and Myths of Origin*. Paris: ICOFOM, 2021. P. 53–57.

Bonilla-Merchav, L., Brenes, T.M. El museo como espacio comunitario y decolonizador: El caso del Museo MIO en Costa Rica y la recuperación de la memoria LGBTIQ+, in *Decolonising Museology: Museums, Community Action and Decolonisation*. Paris: ICOFOM, 2020. P. 268–283. (In Spanish).

Brulon Soares, B. Introduction, in *Decolonising Museology: Museums, Community Action and Decolonisation*. Paris: ICOFOM, 2020. P. 51–71.

Brulon Soares, B. Introduction, in *Defining the museum: challenges and compromises of the 21st century*. Paris: ICOFOM, 2020. P. 16–32.

Brulon Soares, B., Leshchenko, A. Museology in Colonial Context: A call for Decolonisation of Museum Theory, in *Politics and Poetics of Museology*. Paris: ICOFOM, 2018. P. 61–79.

Carias, A.C., Souza, M.S., Nogueira, R.M. As pegadas inventadas pelo Museu Vivo do São Bento na Baixada Fluminense, in *Decolonising Museology: Museums, Community Action and Decolonisation*. Paris: ICOFOM, 2020. P. 160–175. (In Spanish).

Caro, A.S. Por un Museo bien chimbita: transformar el Museo Nacional de Colombia desde el Programa de Comunidades, Accesibilidad e Inclusión, in *Decolonising Museology: Museums, Community Action and Decolonisation*. Paris: ICOFOM, 2020. P. 84–97. (In Spanish).

Chitima, S.S. Negotiating the Decolonisation of National Museums in Zimbabwe, in *The Decolonisation of Museology: Museums, Mixing, and Myths of Origin*. Paris: ICOFOM, 2021. P. 67–70.

Chuva, M. Histórias para descolonizar: o Museu Nacional de Etnologia de Lisboa e suas coleções africanas, in *Decolonising Museology: Museums, Community Action and Decolonisation*. Paris: ICOFOM, 2020. P. 72–90. (In Spanish).

Cury, M.X. Metamuseology, Museology and decolonization indigenous people and museums in Brazil, in *Decolonising Museology: Museums, Community Action and Decolonisation*. Paris: ICOFOM, 2020. P. 75–79.

Daavo, C.Z. Les musées africains et le patrimoine immatériel: quelques pistes pour une nouvelle uséologie, in *The Decolonisation of Museology: Museums, Mixing, and Myths of Origin*. Paris: ICOFOM, 2021. P. 80–84. (In French).

Ernest, K. La décolonisation de la muséologie: analyse réflexive sur les musées et les communautés culturelles en Côte d'Ivoire, in *The Decolonisation of Museology: Museums, Mixing, and Myths of Origin*. Paris: ICOFOM, 2021. P. 130–134. (In French).

Faulhaber, P. Os índios Tikuna e o mundo dos museus, in *Decolonising Museology: Museums, Community Action and Decolonisation*. Paris: ICOFOM, 2020. P. 91–102. (In Spanish).

Fouché, F. Le musée face à l'héritage colonial: un pharmakon?, in *The Decolonisation of Museology: Museums, Mixing, and Myths of Origin*. Paris: ICOFOM, 2021. P. 100–103. (In French).

Geert, F. Muséologies postcoloniale et décoloniale. Ou les frontières poreuses des concepts muséologiques, in *The Decolonisation of Museology: Museums, Mixing, and Myths of Origin*. Paris: ICOFOM, 2021. P. 221–225. (In French).

Kuklinova, I.A. Novaya museologiya: sovremennoe osmyslenie kontspta [New Museology: Modern Comprehending of Concept], in *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury*. 2020. Vol. 3 (44). P. 68–72. (In Rus.).

Labadie, C. Décoloniser les collections: enjeux et obstacles de la restitution des biens culturels en droit, in *The Decolonisation of Museology: Museums, Mixing, and Myths of Origin*. Paris: ICOFOM, 2021. P. 135–139. (In French).

Mairesse, F. Décoloniser la muséologie?, in *The Decolonisation of Museology: Museums, Mixing, and Myths of Origin*. Paris: ICOFOM, 2021. P. 155–159. (In French).

Mairesse, F. The Politics and Poetics of Museology, in *The Politics and Poetics of Museology*. Paris: ICOFOM, 2018. P. 17–23.

Mairesse, F., Guiragossian, O. Définir le musée à travers le monde, in *Defining the museum: challenges and compromises of the 21st century*. Paris: ICOFOM, 2020. P. 147–162. (In French).

Makarenko, V.P. Raspad imperiy i problemy kolonializma [The Collapse of Empires and the Problems of Colonialism], in *Politicheskaya konceptologija*. 2012. Vol. 2. P. 6–47. (In Rus.).

Mensch, van P., Meijer-van Mensch, L. *Novye trendy v museologii* [New Trends in Museology]. Moscow: PTH «Perspektiva» Press, 2021. 127 p. (In Rus.).

Morim, J. O Museu da Parreira enquanto processo experimental, in *Decolonising Museology: Museums, Community Action and Decolonisation*. Paris: ICOFOM, 2020. P. 193–212. (In Spanish).

Nicolau, E., Oliveira, G.A.S., Domingues, S.L., Xavier, P.V., Alcântara, R. Performar o museu e ampliar seus públicos: Reflexões para matrizes queer, in *Decolonising Museology: Museums, Community Action and Decolonisation*. Paris: ICOFOM, 2020. P. 298–311. (In Spanish).

Petrunina, L.Y. *Muзей izobrazitelnykh iskusstv kak sotsialnyi institut khudozhestvennoy kultury. Dissertaciya ... kandidata filosofskikh nauk* [Museum of Fine Art as a Social Institution of Artistic Culture. Ph.D. thesis]. Moscow: [without name of publisher], 1991. 200 p. (In Rus.).

Rodrigues, R. de C.C., Morando, L. Museu Bajubá1: uma proposta de cidadania cultural para pessoas LGBTI+, in *Decolonising Museology: Museums, Community Action and Decolonisation*. Paris: ICOFOM, 2020. P. 312–323. (In Spanish).

Rostova, N.N. Adzhortamento antropologiy: preodolenie granitsy mezhdu prirodoy i kul'turoy [Agiornamento of Anthropology: Bridging the Boundary Between Nature and Culture], in *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofija and konfliktologija*. 2020. Vol. 36. Is. 4. P. 731–750. (In Rus.).

Santos, D.R. Memórias silenciadas e novos horizontes: O papel social do Museu do Samba, in *Decolonising Museology: Museums, Community Action and Decolonisation*. Paris: ICOFOM, 2020. P. 213–225. (In Spanish).

Scheiner, T. Réfléchir sur le champ muséal: significations et impact théorique de la muséologie, in *Nouvelles tendances de la muséologie*. Paris: La Documentation française. 2016. P. 39–52. (In French).

Shiraiwa, S., Zabalueva, O. Museological Myths of Decolonization and Neutrality, in *The Decolonisation of Museology: Museums, Mixing, and Myths of Origin*. Paris: ICOFOM, 2021. P. 203–207.

Shola, T. *Vechnost' zdes' bolshe ne zhivet. Tolkovy slovar museinykh grekhov* [Eternity doesn't live here anymore. Explanatory Dictionary of Museum Sins]. Tula: PH "Yasnaya Polyana" Press. 2013. 350 p. (in Rus.).

Teixeira, S. Museu das Remoções: Moradia e Memória, in *Decolonising Museology: Museums, Community Action and Decolonisation*. Paris: ICOFOM, 2020. P. 226–238. (In Spanish).